

Лавров Петр Лаврович

**Народники-пропагандисты
1873-1878 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Лаврович Л.**
Народники-пропагандисты 1873-1878 гг / Лавров Петр Лаврович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 285 с.

ISBN 978-5-519-92206-7

ISBN 978-5-519-92206-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

От издательства.

Печатаемая нами работа П. Л. Лаврова впервые появилась в 1895 и 1896 г.г. в г. Женеве. Она вошла в „Материалы для истории русского социально-революционного движения“, т. X, издание „Группы старых народовольцев“ (в двух выпусках).

В 1907 г. в Петербурге в издании И. М. Розенфельда работа эта вышла отдельной книгой. К сожалению, она имеет ряд пропусков и сокращений, связанных с условиями тогдашней русской цензуры. Издание это давно распродано и является большой библиографической редкостью.

В настоящее время мы выпускаем труд П. Л. Лаврова без всяких изменений, придерживаясь в точности первого заграничного издания, корректуру которого держал в свое время автор.

Несколько слов читателю.

Напомню читателю то обстоятельство, что он имеет перед собою в ряде статей этого отдела не попытку истории данной эпохи, а лишь *материалы* для этой истории, при чем, в значительной мере, лишь такие материалы, которые могли сохранить и собрать люди, отрезанные от России и имеющие мало возможности обращаться за нужными сведениями к наиболее достоверным и богатым источникам. С иными свидетелями событий, о которых приходится говорить, еще опасно для них даже установить сношения. Подпольная литература того времени составляет теперь, во многих случаях, редкость, которую добыть не легко, а иногда и совсем невозможно. Поэтому вообще читатель должен довольствоваться лишь тем материалом, который был доступен авторам статей, входящих в этот отдел, и который, неизбежно, очень неравномерен для различных частей одного и того же этюда.

Для эпохи, о которой будет идти речь в этом очерке, наличный материал представляет два элемента, до некоторой степени независимые один от другого. Это была эпоха, когда заграничная социалистическая литература развивалась одновременно с массовым движением русской социалистической молодежи в народ; но эти два явления, вызванные одним и тем же историческим течением, происходили, каждое, ²самостоятельно, лишь в некоторой степени оказывая влияние друг на ²друга. Относительно этих двух элементов пишущий эти строки поставлен в совершенно разное положение. Для литературного движения 1873 — 1877 годов за границей у меня существуют большею частью данные в достаточном числе, и мои личные воспоминания позволяют мне дополнить эти данные. Но совершенно иное приходится сказать о движении в народ, имевшем место в России. Корреспонденции того времени из России и официальные данные про-

цессов доставляют лишь отрывочные черты. Автору пришлось обратиться к личным воспоминаниям некоторых участников движения, и я не могу не высказать самой искренней благодарности тем из них, которые не отказались помочь мне в этом деле. Этот очерк вышел бы полнее, если бы другие, отчасти оказавшие мне содействие, не нашли невозможным оказать мне его, в той или иной мере в настоящее время. Само собою разумеется, что дополнительные сведения, полученные мною, могли служить уяснением лишь в некоторых эпизодах, тогда как другие представляют неустраиваемые пробелы. Надеюсь, что читатель отнесется снисходительно к этим неизбежным следствиям условий, при которых писан этот очерк. Я позволяю себе надеяться и на то, что в будущем можно будет дополнить сказанное здесь новыми подробностями, которые, впрочем, по моему мнению, едва ли могут изменить картину общего характера событий и их хода.

Так как работа, охватывающая все элементы народнического движения начала 70-х годов, вышла слишком объемиста, то ее оказалось необходимым разделить на несколько частей. В настоящем выпуске „Материалов“ печатаются две первые главы: 1. До 1873 г. и 2. Русское заграничное революционное движение 1873 — 77 годов. В следующих выпусках будут помещены остальные: 3. „Вперед!“, 4. Литературная полемика, 5. Движение в народ и 6. Переход к другой эпохе. Все эти главы уже совершенно готовы, и к их своевременному напечатанию никакого препятствия нет ¹⁾.

П. Л. Лавров.

¹⁾ Материалы, которыми я пользовался, цитированы следующим образом: „Обвинительный акт по делу о преступной пропаганде“ (по процессу 193); вырезки из газет — „Обв“.

Периодические издания: „Колокол“ — „Кол.“; Народное дело — „Нар. Д.“. Для „Вперед!“ цитаты, относящиеся к томам неперидического сборника, обозначены римскими цифрами порядка томов; отдел второй („Что делается на родине?“) обозначен буквою А; отдел третий („Летопись рабочего движения“) — буквою В; цитаты из двухнедельной газеты — арабскими цифрами № последней. Следующее за тем число указывает страницу отдела тома или столбец газеты. Для изданий бакунистов „Наука и насущное революционное дело“ (1870) — „Наука“; „Государственность и Анархия“ (1873) — „Гос. и ан.“; прибавления к этому тому — „Пр.“; „Историческое развитие Интернационала“ — „Ист. р.“. Для якобинских изданий — „Задачи революционной пропаганды в России“ (1874) — „Зад.“ (ответ на это „Русской социально-революционной молодежи“ (1874) — „Р. Мол.“); „Набат“ — „Наб.“

1. До 1873 года.

Характеристическою чертою нашего времени приходится признать развитие и распространение социализма. Все области человеческой мысли и культуры в процессе решения своих социальных задач обусловлены теперь социальным вопросом в его общих чертах и в тех особенностях, которые социальный вопрос получает в каждой стране под влиянием ее предшествующей истории. Все крупные события жизни народов, в наше время совершающиеся под каким бы то ни было влиянием, окрашиваются неизбежно тем обстоятельством, что эти события совершаются в среде, в которой пробудилось и с каждым годом все более устанавливается сознание противоположения классовых интересов рабочих и обладателей орудиями труда и невозможности устранить борьбу этих классов ни государственными, ни национальными, ни какими-либо идейными соображениями. Едва ли можно понять надлежащим образом какое-либо современное явление в любой

(с указанием номера); „Ораторы бунтовщики перед русской революцией“ — „Ор.“; „Анархия Мысли“ — „Ан.“; „Революционная расправа“ — „Р. Р.“ „Общна“ — „Общ.“ (с указанием номера). „Вестник Народной Воли“ — „В. Н. В.“ (с указанием тома и стр.) — Это издание — „Мат.“ и „С. Р.“ (с указанием выпуска и страницы).

Брошюры и отдельные издания кроме только-что упомянутых: *Тихомиров*: „Conspirateurs et policiers“ (1837) — „Consp.“; *С. Степняк*: „Подпольная Россия“ — „Под. Р.“; „Воспоминания *Вл. Дебогорий-Мокриевича*“ (1894) — „Восп.“; „Календарь Народной Воли“ (1883) — „Кал.“; „Процесс пятидесяти“ (1877) — „пр. 50“; „София Илларионовна Бардина“ (1883) — „Бард.“; „На Родине“ № 1—3 (1882—83) — „На Р.“ (с указанием номера).

Газету „Работник“, несмотря на все старания, я достать не мог. Так как она была бы особенно полезна для главы 4, то я обращаюсь печатно к читателям, прося их, если будет возможно, доставить мне ее на самое короткое время.

области мысли и жизни, не усвоив его более близкого или более отдаленного отношения к социальному вопросу.

Здесь сделана попытка сгруппировать материалы для очерка эпохи, характеризованной для России именно тем, что в русской молодой интеллигенции задачи прогресса для России уяснились по их отношению к принципам социализма в его новейшей форме, именно в форме классового противоположения представителей труда и представителей капитала.

Эти задачи прогресса для России стали с фатальной необходимостью перед русскою интеллигенцией с тех самых пор, когда в ней, как во всякой исторической интеллигенции, проснулась жажда развития. Они приняли определенный характер с той эпохи, когда русская интеллигенция сознала себя, как элемент цивилизационного течения, общеевропейского, человеческого. Этот определенный характер задачи прогресса сохранили для русской интеллигенции, с первого момента своей постановки до настоящей минуты; но в этот промежуток времени они уяснялись лишь постепенно и могли окончательно уясниться, как задачи рабочего социализма, только в последние три десятилетия.

Для русской интеллигенции 70-х годов осталась на первом плане культурная роль, принятая ею на себя с конца XVII-го века — быть посредницею между процессом работы научной, нравственной и философской мысли передовых борцов человечества и многомиллионными массами русского народа. Московское царство, при своем переходе в бюрократически-полицейскую петербургскую империю, оставило эти массы, чуть ли не во всех их слоях, по отношению к мысли и культуре, при самых смутных противонаучных воззрениях византийской схоластики, при самых деморализующих привычках к восточной политической и общественной обрядности, при религиозных переживаниях в самой безжизненной их форме ¹⁾. Пробужденная к новой жизни притоком научных и политических идей, русская передовая интеллигенция была охвачена в начале петербургского периода иллюзией, что только-что упомянутую культурную роль она может играть вместе с правительством, при его энергическом содействии. Но ей скоро пришлось в этом разувериться. Она могла сделаться культурною силою для

¹⁾ Ср. между прочим статью *А. Н. Пытина* в февральской книжке „Вестника Европы“ за 1894 г. и в следующих.

прогресса родины лишь действуя независимо от полицейско-бюрократической власти, действуя *против* последней. И она приняла на себя эту историческую роль. Самым блестящим образом и вполне сознательно выполнила ее в особенности русская интеллигенция 40-х годов XIX-го века проповедью гуманных идей; затем ее преемники 50-х и 60-х годов проповедью научно-философского мирозерцания в его самых передовых формах, устраняя все фантастические создания религиозной фантазии и все метафизические увлечения, еще оказывавшие сильное влияние на интеллигенцию 30-х годов. Эти поколения создали в России умственную атмосферу, которая выработала в лучших их представителях неразрывную связь двух великих принципов человеческого развития: принципа научной критики и принципа самоотверженного служения идее. Она дала возможность последующему поколению, оставаясь по необходимым условиям русского политического строя на почве идейного социализма, тем не менее оказаться восприимчивым к этому социализму в его научных формах. Требования научной критики были так же прочно усвоены поколениями Герценов, Грановских, Бакуниных, а затем Чернышевских и Добролюбовых, как и требования служения общественному благу. Реалистическая русская беллетристика была в то же время проникнута идейными силами. Материалистическое понимание природы не мешало Герценам писать «Кто виноват?» и «С того берега». У развитых русских людей установилось убеждение, что для них научно-философское мирозерцание нераздельно от стремления осуществить передовые идеалы личной и общественной нравственности, нераздельно от борьбы за рациональные формы общественных отношений, за справедливейший общественный строй. Однако лишь к 70-м годам приходится, может быть, отнести усвоение передовою русскою интеллигенциею более определенного убеждения, что это осуществление, эти формы, этот строй могут иметь место лишь путем торжества социалистических принципов, путем победы организующейся армии труда над армиею обладателей и охранителей капитала. Гуманная проповедь идеалистов-борцов за эмансипацию крестьянина и женщины, индивидуалистическое изучение природы, проповедь материалистов-нигилистов базаровского пошиба, находившихся преимущественно под влиянием Писарева, развились лишь в эту эпоху в реалистическую проповедь движения в народ. Это движение проповедовали во имя обязанности заплатить долг этому народу, лежащий на интеллигенции; во имя обязанности последней

вызвать в русском работнике, в русском крестьянине то самое сознательное отношение к миру и к общественным задачам, которое создавало на западе армию „пролетариата всех стран“. На нашей родине следовало возникнуть и организоваться, как во всем цивилизованном мире, классу рабочему, который сознал бы свое необходимое противоположение всем другим общественным классам, а в то же время свое право и свою обязанность поглотить все прочие классы. Культурная роль русской интеллигенции по отношению ее к народу не только не понизилась, но уяснилась для нее более определенно, когда эта интеллигенция стала интеллигенцией социалистической.

Для русской интеллигенции осталась точно так же на первом плане задача отвоевать у императорского абсолютизма ту политическую свободу, которую в большей или меньшей степени уже отвоевали себе во второй половине XIX-го века народы всех цивилизованных стран мира. Создавая бюрократическо-полицейскую империю по европейским образцам начала XVIII века, Петр I не мог устранить неизбежного последствия, что, вместе с бюрократическо-полицейскими формами, новая европейская культура вносила в Россию и все те политические задачи, всю ту борьбу за власть между классами, сословиями и группами, которая составляла главную ткань внешних событий европейской истории последних веков. Немного лет прошло от смерти Петра I, когда Ягужинские уже говорили: „Батюшки мои, прибавьте нам как можно воли“, а Дм. Мих. Голицыны предлагали императрицам „пункты“ ¹⁾. XVIII-ый век еще не кончился, когда под формалистическою фланмасонства представители интеллигенции пытались собственною инициативою, устраняя всякое правительственное содействие, создавать просветительные центры и течения в русском обществе и вызывали этими самыми стремлениями к общественной инициативе жестокое преследование со стороны приятельницы Вольтера и Дидро ²⁾. Но эти „пункты“ верховников и эти „требования воли“, о которых они мечтали, имели в виду лишь интересы небольшого меньшинства, для самых крайних лишь права „шляхетства“, под которым стонали миллионы крепостных. Просветительные мечты Новикова и его приятелей стояли в прямом противоречии и с существующим закрепощением этих миллионов и с требованиями научного мирозерцания,

¹⁾ Ср. П. Миллюков: „Попытки государственных реформ при воцарении императрицы Анны Ивановны“, 8.

²⁾ См. статью Якушкина о „Новикове“ в „Русских Ведомостях“.

которое одно имело будущность в человечестве. И вот задача „свобод“ в XIX-м веке уже неизбежно усложняется: рядом с проектами „конституций“ у декабристов стоит вопрос об освобождении крестьян. В „Союзах благоденствия“ толкуют о „язве крепостного состояния“, выставляются проекты „сделать поземельную собственность“ некоторым образом общею всем“. Социальная задача юридической эмансипации народа становится одним из догматов политического либерализма ¹⁾. Эта задача выступает на первый план для представителей гуманных идей в эпоху царствования Николая I. Она для них даже заслоняет задачу прямой борьбы с абсолютизмом. Против крепостничества Тургенев произносил свою „Аннибалову клятву“. Против него идет агитация во всей либеральной литературе. Петрашевцы заявляют, что „не имели умысла на бунт“, и ставят настоятельными требованиями лишь „уничтожение крепостного права, введение гласного судопроизводства и дарование свободы слова“. Когда Александр II приступает, под влиянием общественного мнения, к эмансипации крестьян, даже самые независимые заграничные агитаторы восклицают: „Ты победил, Галилеини“, и высказывают готовность идти не за „Пугачевым“, не „за Пестелем“ а „за Романовым“. Но освобождение крестьян — социальный элемент программы русских либералов 50-х годов — не предполагало еще никакого социалистического взгляда на общественные задачи (как оно не предполагало этого и в других странах, где это самое освобождение скрывало сознанный или несознанный мотив способствования образованию класса *свободных* пролетариев для мануфактур и фабрик капиталистов, не обладавших крепостными, подобно земледельческой аристократии). Это было лишь минимальное идейное условие, без которого не имели никакого смысла ни социалистическая пропаганда русских сен-симонистов и фурьеристов, ни практическое приложение к общественным задачам философских построений русских шеллингистов и гегельянцев, ни даже нравственная задача сторонников гуманных идей в литературе и в жизни.

¹⁾ О декабристах, как предшественниках позднейшей революционной интеллигенции в политических, а отчасти и в социальных задачах, имеется в виду дать специальную статью (А 3). Нам доставлена по этому предмету очень интересная работа, но она, по своему объему, далеко превосходит размеры того, что мы можем напечатать, и поэтому требует, по необходимости, переработки.

Но вот это условие выполнено. Новая пореформенная Россия встает перед глазами нового поколения развитых людей, с ее разорением крестьянина, с его хроническим голоданием и следовательно с неотложным экономическим вопросом: чей труд создал все богатства, и какая часть их приходится на долю того, кто их создал? Тогда только воскресает в новом виде задача „побольше воли“, как задача воли для *всех* русских, и при том такой „воли“ которая была бы и экономической эмансипацией для трудящихся масс. Появляется подпольная литература листов и прокламаций „Молодой России“ в связи с волнением университетов. Организуется чисто политическое тайное общество „Земля и Воля“ начала 60 годов, цель которого была формулирована следующим образом людьми, которые должны были хорошо знать дело ¹⁾).

„Оно столько же стремилось к самозванному Народному Собранию, сколько хотело помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского Собора, т.-е. дарования какой-либо непристойной конституции.... Оно открыто признавало, что Народное Собрание обуславливается предварительным уничтожением правительства... Оно хотело таким образом вызвать Народное Собрание для того, чтобы народ сам, собранный в лице своих избранных доверителей, поставил главные основы для своего нового быта“.

Средством для достижения этой цели должны были быть „крепко сплоченная и широко разветвленная организация пропагандистов“ в среде интеллигенции, которая должна была способствовать „позднейшему образованию другой широкой *Народной Организации вооруженных борцов*, так как жизненный элемент среди образованных сословий... только один и мог нести в народ сознанный революционный помысел“.

Это чисто-политическое движение усложнилось связью с польским вопросом, в котором в это время не было и не могло быть ничего социального. Протесты против подавления народностей польской и украинской входили важным элементом в студенческие движения начала 60-ых годов. Если, по словам „Народного Дела“ (стр. 35), партия „Земли и Воли“ признавала своим долгом „подготовление революции в России на коренных социалистических началах“, то не видно ни из каких данных, чтобы „тайное потебневское общество“ или „офи-

¹⁾ В „Народном Деле“ № 2—3 стр. 33 и след.